

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

АННА
ШЕХОВА

СЧАСТЛИВЫЙ ПОКОЙНИК

Любовь, интрига, тайна

Анна Шехова

Счастливый покойник

«ЭКСМО»

2021

Шехова А. А.

Счастливый покойник / А. А. Шехова — «Эксмо»,
2021 — (Любовь, интрига, тайна)

ISBN 978-5-04-119555-7

1885 год. Начальник почты в Коломне, Феликс Янович Колбовский, оказывается свидетелем того, как купец Гривов получает письмо, которое вызывает у него неопишуемую радость. Однако на следующий же день купца находят повесившимся. Колбовскому это кажется странным, да и супруга купца уверена, что тот не мог покончить с собой. Феликс Янович убеждает своего друга – судебного следователя Кутилина – продолжить расследование. А сам Колбовский, увлеченный зарождающейся наукой графологией, параллельно ищет убийцу, анализируя почерк всех подозреваемых.

ISBN 978-5-04-119555-7

© Шехова А. А., 2021

© Эксмо, 2021

Анна Шехова

Счастливый покойник

В то октябрьское утро Феликс Янович Колбовский проснулся с тягостным предчувствием неприятностей. Это чувство было подобно предвестникам мигрени – когда сама боль еще не подступила, но мир уже подернулся мутной раздражающей пеленой, свет стал нестерпимо ярким, а во рту появился тошнотворный привкус.

Еще не открывая глаз, Феликс Янович ощутил накатывающую волну этого предчувствия и удивился ему. Впервые такое случилось с ним много лет назад – в тот день, о котором Колбовский крайне не любил вспоминать. Хотя попытка не вспоминать всегда заканчивалась одним и тем же – перед его глазами, как тогда, вставал двухэтажный бревенчатый дом Ружниковых, запертый и глухой к его стуку. И слепые окна, задернутые белыми занавесками, и крашенные подоконники, уставленные гераньками и фиалками – предметом неусыпной заботы Машеньки...

Придерживая одной рукой одеяло, другой Феликс Янович запалил лампу, стоящую на маленьком столике подле кровати. В комнате было холодно, и, спускаясь с постели, Колбовский продолжил кутаться в одеяло, чтобы не растерять мгновенно остатки тепла. Из-под двери пробивалась яркая полоска света, которая говорила о том, что Авдотья уже хозяйничает на кухне.

Феликс Янович сделал два шага, отделявшие его кровать от окна – спальня была крохотная, – и выглянул наружу. Там ожидаемо еще царила вязкая темнота, сквозь которую проступали лишь очертания ближайшей церквушки – храма Петра и Павла. Осень уже вошла в ту пору, когда утратила все свое очарование, оставив землю голой, неприбранной и грязной. Феликс Янович с тоской подумала, что хорошо бы уже нынче пошел снег, чтобы скрыть всю эту грязь. Позднюю осень он терпеть не мог, и если бы не служба, он бы и вовсе не выходил из дому. А то в такое время не удивительно, что душа начинает маяться от странных предчувствий. Да, определенно, все это может просто объясняться дурной погодой.

Немного успокоившись на этом, Феликс Янович отправился пить утренний чай.

Феликс Янович Колбовский вот уже десятый год служил начальником почты в столице яблоневых садов – Коломне. Городок был небольшой, угнездившийся между двух рек, и, как все прибрежные городки средней России, обладавший неизменной притягательностью для живописцев и пассажиров речных пароходов. Золоченые луковки церквей, пышная зелень многочисленных садов – а как же без них? – дома в два, редко три этажа. А также – тишина, покой и благолепие. По крайней мере, в глазах тех приезжих, кто ограничивался прогулкой по центральным улицам и обхоженной набережной. Да и зачем приезжим было бродить по окраинам, среди грязно-серых бревенчатых домов, которые немногим отличались от обычных деревенских изб? Нет, гости Коломны не совались сюда, в кривые и порой безымянные переулки, где было раздолье для бродячих собак, а также тех персон, кто не стремился мелькать на центральных улицах, там, где стояли полицейские будки.

Летом, на взгляд Феликса Яновича, Коломна была чудо как хороша – пышная зелень скрашивала даже бедность, церкви выглядели нарядными как именинницы и даже на окраинах приземистые дома утопали в ромашках, маках и васильках. Но в конце осени город обыкновенно представлял собой то самую жалкую и тягостную картину, которую являет собой обычная российская глубинка.

Тем не менее Феликс Янович даже после десяти лет службы пока не собирался перебираться ни в какое иное место. Если бы нашлись желающие спросить его – почему, то он бы, вероятно, затруднился с ответом. Точно так же он смущался и терялся каждый раз, когда десять лет назад его спрашивали о причинах его перевода из Москвы в Коломну. Появление нового молодого и, главное, холостого начальника почты возбудило немало толков на тогдашних журфиксах и салонах. От супруги городского головы Олимпиады Петровны быстро стало известно, что Феликс Янович сам подал прошение о переводе его в Коломну, хотя через несколько лет ему светило место начальника на одном из крупных московских почтамтов.

Однако же Колбовский, несмотря на кажущуюся простоватость, сумел обойти все ловушки, расставленные ему местными сплетницами, и при этом умудрился не ответить ни на один вопрос. Спустя несколько месяцев его оставили в покое, найдя удовлетворительное объяснение в состоянии его здоровья, а также явно присущей ему сентиментальности. Летними вечерами Феликса Яновича не раз видели на берегу реки, где он сидел в абсолютном и при этом безмятежном одиночестве, глядя на разворачивающееся за рекой багряное полотно заката. Безусловно, начальник почты принадлежал к тем чувствительным натурам, которым нечего делать в крупном городе, – решили местные дамы. На том все и успокоилось. Нельзя сказать, что они так уже сильно ошибались.

Шорох утренних газет всегда действовал успокаивающе на Феликса Яновича – он соединял в себе напоминание о шуме ветра в весенней дубраве и могущество печатного слова, которое было столь же незыблемым, как сама жизнь.

Газеты уже дожидались его в кабинете, и, едва шагнув за порог, он почувствовал терпкий с горчинкой запах типографской краски. Однако почтмейстер не торопился: он неспешно снял пальто, аккуратно повесил его в шкаф, расправив полы и рукава – так, чтобы оно висело столь же безукоризненно, как сидело на манекене портного Устинцева, который слыл лучшим закройщиком верхней одежды на всю Коломну. Затем Феликс Янович оправил мундир перед зеркалом и невольно вздрогнул, увидев, как позади него в зеркале мелькнул чей-то силуэт.

– Доброе утро, Феликс Янович, – голос Аполлинии Григорьевны был столь же отутюженный, как и ее форменное платье.

– Доброе утро, сударыня, – почтмейстер торопливо скрыл неудовольствие.

Аполлиния Григорьевна служила здесь на год дольше чем он, что, на ее взгляд, давало ей некие преимущества старожилки. И хотя формально она была в подчинении у него, часто Феликсу Яновичу казалось, что сама телеграфистка этого факта так и не осознала. Держалась она всегда безукоризненно, субординацию соблюдала, но все же Колбовского не покидало чувство, что Аполлиния Григорьевна словно всегда поглядывает на него с верхней ступеньки лестницы. Так, практически с первого дня у них с Аполлинией Григорьевной установилось негласное соперничество за то, кто раньше пожалует на службу. И в девяти случаях из десяти победа оставалась за госпожой Сусалевой, поскольку Феликс Янович питал слабость к тому, чтобы засиживаться в ночи за книгой. Когда же Авдотья начала выговаривать ему за литры траченного керосина, он втихомолку перешел на свечи, предпочитая не вступать в прения с грозной экономкой, перед которой робели даже коломенские дворники.

Положа руку на сердце, Феликс Янович был бы счастлив избавиться от госпожи Сусалевой и поменять ее на какую-то менее заметную, пусть и не слишком опытную особу. Однако это не представлялось возможным, потому что Аполлиния Григорьевна была безупречна. Вся, начиная от кончиков начищенных башмаков и заканчивая морщинками – такими же ровными и аккуратными, словно они были нарисованы на ее лице карандашом талантливого гримера. Несмотря на свой почтенный возраст, Аполлиния Григорьевна не пропустила пока не

единого служебного дня, а когда сам Феликс Янович пару лет назад три дня отсутствовал из-за тяжелейшей лихорадки, она встретила его холодным изумленным взглядом. И в качестве приветствия сказала лишь две фразы: «Беречься вам над, Феликс Янович. Дела не терпят распушенности». Телеграфистка была убеждена, что всякая хворь есть следствие распушенности.

– Сделать вам чаю, Феликс Янович? – спросила Аполлиария Григорьевна, делая вид, что ее очередная маленькая победа не значит ровным счетом ничего.

– Да, пожалуйста, – сдержанно кивнул он и направился в кабинет, твердо зная, что через пять минут получит чашку горячего чая с золотистым ломтиком лимона, напоминающим юный полумесяц. На блюде рядом будет лежать ровно один кусочек коричневого сахара, а второй он тайком достанет из своих запасов – дабы избежать укоризненного взгляда телеграфистки, уверенной, что есть сладкое едва ли не больший грех, чем опаздывать на службу.

Кабинет Феликса Яновича был маленький – едва ли больше спаленки в его собственной квартире, но почтмейстера это вполне устраивало. В больших помещениях он чувствовал себя неуютно и немного потерянно. Здесь же все было как надо: одно большое окно, из которого открывался вид на задний двор, летом обильно заросший крапивой и лопухами, удобный стол под зеленым сукном, не менее удобный стул, напольные часы с маятником, уютно смахивающим минуты с поверхности дня. Просторную же комнату, в которой раньше располагался кабинет почтмейстера, Колбовский сразу по приезду передал под телеграф.

Устроившись за столом, Феликс Янович, наконец, счел возможным развернуть свежие, еще слегка пахнущие ладонь «Губернские ведомости». Однако же ничего тревожного, что могло бы подкрепить его предчувствие, они не сообщали. Торопливо пролистав газету до последней страницы, Колбовский облегченно вздохнул и, наконец, погрузился в неторопливое спокойное чтение. Когда Аполлиария Григорьевна принесла чай, Колбовский был уже полностью поглощен новостями о бесплатной читальне для рабочих и серии ограблений ювелирных лавок в Москве.

После традиционного чая и газеты день покатился по своей обычной, давно наезженной колее – от просмотра свежей почты и распределения ее по почтальонам, до официального пересчета принесенных посылок и тому подобных хлопот.

Пообедав в трактире господина Савельева томленной утиной грудкой и гречневой кашей, Феликс Янович уже собирался вернуться на почтамт, как прямо в дверях трактира столкнулся с полицейским урядником господином Кутилиным. Невысокий, но крепкий и коренастый, как пень столетнего дуба, Кутилин явно пребывал в крайне скверном расположении духа.

– Прошу прощения, Феликс Янович, – буркнул тот, пропуская его вперед.

– Вы на обед? – добродушно поинтересовался Колбовский, – Утиная грудка сегодня удалась, рекомендую.

– Утиная грудка! – Кутилин, известный любитель вкусно закусить, вздохнул. – Нет, Феликс Янович. Мне сейчас только стакан чая и – бежать! Да-с, бежать!

Эти слова, а особенно то, как Кутилин произнес их – раздраженно-устало, – прозвучали настолько в лад утреннему предчувствию Феликса Яновича, что тот больше не сомневался. С момента той печальной истории десятилетней давности он чуял беду – как иные старики костями чувствуют перемену погоды.

– Что-то случилось? – спросил он тихо, заранее предугадывая ответ.

– Не к обеду будет сказано, Феликс Янович, – буркнул Кутилин, будучи явно не против разделить с кем-то груз его новостей.

– Спасибо, но я уже отобедал, – напомнил Колбовский. – На вас свалилось очередное расследование?

– Слава господу, нет! – махнул рукой Кутилин, едва не сбив с ног мальчика-полового, который явно подошел слишком близко к беседующим господам. – Но дело все равно гадкое. Гаже не придумать.

И бросив грозный взгляд на полового, который по-прежнему крутился рядом, он с должествующей торжественностью произнес.

– Купец Гривов нынче утром повесился!

Феликс Янович почувствовал, как знакомые колючие мураши разбегаются от центра груди по всему телу. С одной стороны, когда его предчувствия сбывались, он всегда испытывал некое облегчение, словно снимал тесные ботинки. С другой, радоваться тут, как правило, бывало нечему.

– Гривов? Вот уж странно, – медленно сказал он.

– По мне, самоубийство – всегда странно, – буркнул Кутилин. – Вроде христиане все, люди приличные. Господь терпел и нам велел. А они – поди же, в петлю лезут! Тьфу!

Кутилин опустил за ближайший стол, расстегнул ворот мундира и махнул рукой половому, который с круглыми глазами переваривал подслушанную новость.

– Мальчик, принеси чаю.

– Только чаю? Может, чего покрепче изволите-с? – тот быстро пришел в себя.

– Дурак, что ли? – беззлобно буркнул Кутилин. – Посередь дня? На службе?

Половой без дальнейших вопросов крутанулся на пятках и убежал. А Феликс Янович опустил на край стула, стиснув пальцы. Раздражающая мысль не давала ему покоя – билась, как назойливая муха бьется порой в окно среди ночи, и не будет тебе покоя, пока не встанешь и не откроешь.

– А вы как будто не слишком удивились, – Кутилин знал его не первый год, а потому прекрасно видел, что с тем происходит. Полицейский урядник был один из очень немногих людей, кто знал историю Колбовского и причины его приезда в Коломну. Более того, и сам урядник попросил назначения сюда из-за той же трагичной истории, которая и переплела их судьбы десять лет назад. Но об этом уже не знал никто, включая Феликса Яновича.

– Опять что-то вам померещилось? – Кутилин спрашивал без иронии. Он знал и про посещающие почтмейстера странные предчувствия.

– А вы, Петр Осипович, уверены, что тот сам с собой покончил? – ответил Колбовский вопросом на вопрос.

– Сомневаться не приходится, – кивнул Кутилин. – Один, в своей комнате. Ничего не украдено. Во всяком случае, вдова говорит, что ничего не пропало. Да и не будет грабитель с повешением возиться. Ножом бы ткнул – и все.

– Ограбление – не единственный мотив для убийства, – тихо сказал Колбовский, сам кляня себя за эти слова.

– Оно так. Да только других тоже нет, – Кутилин покачал головой. – Кому бы это понадобилось? Наследникам? Им и так неплохо жилось. Сын уже почитай всеми делами заправлял. А дочь... ну, тут даже говорить смешно! Жила у отца как у Христа за пазухой.

– Это она вам говорила? – не удержался от вопроса Феликс Янович.

– Нет, я ее пока не видал, – покачал Кутилин головой. – Она как про смерть отца узнала – так чуть в обморок не грохнулась. Слегла и не встает. Так, во всяком случае, мачеха сказала.

– А сама мачеха, стало быть, покрепче будет? Держится? – хмыкнул Феликс Янович.

– Гривова? Ну, Варвара Власовна – женщина недюжинного здоровья. Крепкая как сосна и упрямая как черт. Когда вопросы задавал – накинута на меня, как фурия! Чуть не растерзала. А сама – ни слезинки, между тем.

– А почему накинута-то? – удивился Феликс Янович.

Половой принес чай. Дождавшись, пока мальчишка уберется подальше, Кутилин понизил голос.

– Да не верит, что муж с собой покончил. Кричит, что убили.

– Я даже догадываюсь, почему, – медленно и словно нехотя сказал Колбовский.

– И почему же? – Кутилин прищурился и оставил стакан.

– Он был слишком счастлив, чтобы покончить с собой, – задумчиво протянул почтмейстер.

Двухэтажный основательный дом Гривова стоял на Ка-й улице, напрямик выходящей на рыночную площадь. На первом этаже, как водится, размещалась лавка, где торговали высококачественным сукном и прочими тканями. Несмотря на страшную новость, лавка была открыта, и через окно был виден стоящий за прилавком бледный и мрачный Тит Васильевич, управляющий Гривова. Видно, несчастная вдова все же не настолько страдала из-за смерти мужа, чтобы заstopорить семейное дело. Обойдя дом с другой стороны, Феликс Янович позвонил у дверей. Не прошло и минуты, как ему открыла белая как молоко горничная Глаша.

– Ох, Феликс Янович, – обрадованно выдохнула она, словно явление начальника почты могло что-то изменить, – как же хорошо!

– Чего же хорошего, душечка? – искренне удивился Колбовский.

– А барыня только-только вас поминала, а вы уже и явились, – пояснила Глаша. – Говорила, что, мол, если кто-то и способен понять ее, так это вы.

Озадаченный Колбовский прошел за Глашей в гостиную, где ему навстречу едва ли не с распростертыми объятьями кинулась Варвара Власовна.

– Феликс Янович! Голубчик! Вы – мой ангел!

Колбовский, которого даже в детстве никто, включая его добрейшую матушку, не называл ангелом, почувствовал себя не в своей тарелке и уже начал жалеть, что явился.

– Я, собственно, услышал... И хотел выразить свое соболезнование, – неловко начал он, но Варвара Власовна, не слушая, продолжила.

– Вы скажете им! Скажете, что я не сошла с ума! Вы – мое спасение!

Феликс Янович внимательно посмотрел на купчиху. Вторая жена купца Гривова Варвара Власовна в свои неполные тридцать лет выглядела такой же гладкой и налитой, как осенняя груша. Она явно была в гневе и смятении, но ее круглые голубые глаза смотрели абсолютно ясно – в них не мелькало ни капли безумия, которое было бы простительно женщине, нашедшей своего супруга в петле.

– Вы скажете им, что я права!

Феликс Янович смущенно кашлянул.

– Сударыня, кому я должен это сказать?

– Кутилину, капуста его башка! – сердито ответила госпожа Гривова, и Колбовский отметил, что гнева в ней, похоже, куда больше, чем скорби. Впрочем, он был уверен, что для натур, подобных Варваре Власовне, раздражение и гнев были единственным дозволенным способом скорби.

– Кутилину и полицейским солдафонам! – повторила Варвара Власовна. – Они уверены, что я от горя сошла с ума. А я говорила и повторю! Не мог! С какой бы стати?!

– Вы имеете в виду, что ваш супруг не мог покончить с собой? – Колбовский, наконец, понял суть дела.

– Само собой, – вздохнула Варвара Власовна.

Ее пылкий гнев угас так же быстро, как разгорелся. Она устало опустилась в кресло и указала Колбовскому на соседнее. Он присел, внимательно разглядывая вдову. Варвара Власовна была одета в черное глухое платье и черный кружевной чепец. Единственным ее украшением было скромное венчалное кольцо. Впрочем, как помнил Колбовский, Варвара Власовна никогда не была любительницей нарядов. А может, и была когда-то, но с таким мужем, как Гривов, приходилось на ходу учиться бережливости. Купец был известен своей въедливой мелочной скаредностью. Феликс Янович вспомнил слова Кутилина о том, что дочь Гривова

жила как у Христа за пазухой, и невесело улыбнулся. Между тем Варвара Власовна взяла себя в руки и вспомнила об обязанностях добропорядочной хозяйки.

– Прошу меня простить, – немного смущенно сказала она, разглаживая подол платья белыми ухоженными пальцами, – я так потрясена, что совсем забыла спросить. Хотите чаю? Или... может чего покрепче? Ах да, вы же совсем не пьете!

Варвара Власовна с легкой досадой махнула рукой. И лишь мгновение спустя Колбовский сообразил, что госпожа Гривова не столько хотела угостить гостя, сколько сама выпить чего-нибудь покрепче. Но приличия не позволяли ей делать это среди дня, да еще и в одиночку. Не дай бог пойдут пересуды...

– Пересуды уже и так пойдут, – рассудительно сказал Феликс Янович, – этого не избежать, как ни крути. Потому вы совершенно зря отказываете себе в маленьком послаблении.

Варвара Власовна усмехнулась.

– А вы, как всегда, наблюдательны, – покачала она головой и звякнула в колокольчик. Явилась подавленная Глаша, которая получила распоряжение насчет чая. Отпустив служанку, Варвара Власовна открыла маленький шкаф, стоявший тут же в гостиной, и извлекла небольшой графинчик с рубиновой жидкостью.

– Может, все-таки попробуете? – обратилась она к Колбовскому, доставая вслед за графинчиком стопки. – Это рябиновая настойка. Я сама делаю. Петр Васильевич ничью иную и в рот не брал...

При упоминании супруга рот ее скривился, и она поспешно отвернулась. Булькнула наливаемая жидкость, и Феликс Янович из деликатности отвел глаза. Варвара Власовна вернулась с маленьким стаканчиком и снова опустилась в кресло.

– Почему вы решили, что я могу вам помочь? – с ходу перешел к делу Колбовский. – Прямые вопросы ему давались трудно, а потому он и спешил их задать, чтобы не погрязнуть в ненужном словесном мусоре. Феликс Янович прекрасно понимал, что любые соболезнования и причитания будут сейчас отвергнуты госпожой Гривовой как бесполезные.

– Вы помните, как давеча принесли нам то письмо? – вопросом на вопрос ответила Варвара Власовна.

– Из Саратова? Да, конечно, – кивнул Колбовский. – Петр Васильевич, помнится, крайне обрадовался ему.

– Не то слово, – мрачно кивнула Гривова и глотнула настойку. По комнате пополз терпкий рябиновый запах с горчинкой – аромат сентябрьских закатов.

Колбовский хорошо помнил вчерашнюю доставку письма. Гривов, похоже, дожидался его. Он почти выхватил конверт из рук почтальона и тут же в полутемной прихожей разорвал его. Несмотря на тусклый свет керосинки, Феликс Янович ясно увидел выражение облегчения и радости, которые разлились по лицу купца. Обычно угрюмый, Гривов был скуп даже на безвкусно вежливые улыбки, которыми, как и разговорами о погоде, принято обмениваться в приличном обществе. Именно поэтому Феликс Янович был поражен увидев столь неприкрытый восторг на лице адресата. Купец с довольной ухмылкой глянул на почтальона, и, видимо, сообразив, что перед ним человек абсолютно посторонний, поспешил отвернуться. Затем взяв себя в руки, но все еще сияя как начищенный пятак, снова оборотился к Колбовскому и сделал совсем уж небывалое.

– Может, извольте чаю-с? – спросил он.

– Благодарствую, но я на службе, – поклонился Колбовский, скрыв свое изумление.

Но позже, разнося оставшиеся конверты и пакеты в центровые дома, он снова и снова возвращался мыслями к поразительному событию.

Уже десять лет Феликс Янович разносил корреспонденцию по центральной Коломне, возложив на себя эту обязанность ради экономии казенных средств и возможности увеличить на две копейки жалованье трем другим почтальонам. Поначалу коломенское общество было

шокировано подобным демократизмом, и кое-кто даже заподозрил Колбовского в вольнодумстве. Пошли слухи, что он то ли из народников, то ли из толстовцев, и на время ему даже перестали присылать приглашения в дом городского головы и других первых лиц коломенского общества. Однако за несколько месяцев все привыкли к такому порядку, а Олимпиада Петровна даже начала рассуждать о том, что есть в некая особенная приятность в том, чтобы получить письмо из рук самого почтмейстера.

В доме Гривовых Колбовскому приходилось бывать не часто, но все же не реже раза в месяц. Основную переписку вели здесь Варвара Власовна и дочь Гривовых Ульяна, которая с завидной регулярностью писала престарелой тетушке, кузине Гривова, живущей в Саратове. То, что письмо пришло не ей, а Петру Васильевичу, само по себе уже было фактом, заслуживающим внимания. Во всяком случае, внимания Колбовского, для которого человеческая жизнь уже давно измерялась потоком писем. А реакция Гривова на внезапное послание была тем паче удивительной, что за эти десять лет столь воодушевленным и счастливым Петра Васильевича не замечали ни разу. Именно поэтому новость о самоубийстве купца была столь неожиданной и пугающей.

И, как теперь он убедился, Варвара Власовна также сочла кончину мужа загадочным событием.

– А не могли бы вы мне сказать, что все-таки было в этом письме? – аккуратно спросил Колбовский у новоиспеченной вдовы.

– Если бы я знала! – Варвара Власовна драматично взмахнула рукой.

– Вы до сих пор его не прочли?! – изумился Колбовский. – Но, полагаю, в нем – ответ на ваши вопросы.

– Я нигде не могу его найти, – Варвара Власовна пристально взглянула на него и отставила стаканчик. – Понимаете? Оно исчезло!

– Вы уверены? – Колбовский нахмурился.

– Разумеется, я уверена! Я тут же обыскала его кабинет. Потом мы с Глашей перевернули весь дом! Его нет нигде. Оно пропало!

– Ульяна Петровна или кто-то из прислуги не мог прибрать?

– Нет, – Варвара Власовна сжала губы. – Никто бы не осмелился взять хоть что-то из бумаг Петра Васильевича – будь он живой или покойник. Вы понимаете, что это значит?

– Понимаю, – Феликс Янович кивнул. Дело казалось все более скверным, а под сердцем саднила знакомая заноза.

– Вы пойдете со мной в полицию? – умоляюще спросила Гривова.

– Да, я пойду с вами, – обреченно согласился Колбовский. Он знал, что теперь эта ноющая боль в груди не уймется, пока вся история с Гривовым не ляжет перед ним на сукне стола как сошедшийся пасьянс.

Если и было чувство, которое вело Феликса Яновича по жизни, то это было обостренное чувство справедливости. Оно было даже выше, чем вера в закон, которая тоже являлась одним из столпов его личности.

Именно острое до болезненности чувство справедливости делало Феликса Яновича с одной стороны крайне уязвимым, с другой – давало ему невероятную жизненную устойчивость, которую способны дать только две вещи – принципы и вера.

Матушка Феликса Яновича была глубоко верующий и православной. Но ее ранняя смерть и воинствующий цинизм отца изрядно уменьшили роль религии в жизни юного Феликса. А вот принципы, которые заставили в свое время его деда – чистокровного польского шляхтича –

поднять на своей родине мятеж против русского императора, в обрусевшем внуке дали очень своеобразные всходы.

Долгое время отец Феликса относился к сыну с плохо скрываемым разочарованием. Сын, как ему казалось, характером и сутью был слишком похож на мать – женщину мягкую, податливую и молчаливо-книжную, похожую на повзрослевшую без страстей Татьяну Ларину. После ее смерти Ян Андреевич не раз делал попытки повлиять на сына в плане воспитания, но его взрывной характер приводил к тому, что приходилось слишком много времени посвящать решению собственных проблем. Однако все изменилось после того, как он ради воспитания мужественности забрал сына из гимназии и, несмотря на протесты деда с материнской стороны, определил пятнадцатилетнего Феликса в кадетский корпус.

Феликсу без особых усилий давалась как учеба в гимназии, так и воинская муштра. Он был не слишком силен, но вполне здоров и крепок, а главное – очень легко принимал любые правила и не стремился нарушать дисциплину в отличие от других ровесников, которые видели в этом особое проявление удалости.

Однако же через год в училище разразился скандал, главным героем которого стал именно юный Колбовский.

Один из преподавателей, оскорбленный довольно невинной шуткой кадета Косицина, в отместку устроил на него травлю. Косицина стали наказывать по малейшему поводу, доводя до истощения и истерик. И единственным человеком, который не стал закрывать на это глаза, стал другой кадет – Феликс Колбовский.

Хотя все сокурники от души сочувствовали безвинно страдающему Косицину, таскали ему тайком пайку из столовой и ворчали в спальнях о бунте, вслух объявить о несправедливости решился только Феликс. Он дождался визита в училище великого князя Сергея, вышел вперед на общем построении и, глядя в глаза почетному гостю, четко и раздельно обрисовал ситуацию. Великий князь внимательно его выслушал, спросил фамилию, а затем, чуть скривив губы, ответил: «Понимаю». И добавил чуть в сторону: «Польская кровь бунтует!»

Разумнее всего в этот момент было признать поражение и вернуться в строй, однако же юный Феликс почувствовал, что мир словно застыл, заморозился от этой небрежно брошенной фразы. Несправедливость сказанного пронзила его как приступ боли или как отточенная дуэльная шпага. И он не ушел. Он продолжил настаивать, что говорит правду.

После этого случая Яну Колбовскому пришлось забрать сына из кадетов.

Тем вечером они сидели в темной гостиной своей квартиры в доходном доме Калашникова и впервые долго говорили – так, как должны говорить отец и сын. Старший Колбовский покаялся перед сыном за свою слепоту и впервые налил ему вина. Они говорили о законе и справедливости, о силе и власти, о великодушии и могуществе, и о том, в каких разнообразных комбинациях эти вещи не сочетаются в нашем мире. Феликс Янович запомнил тот разговор на всю жизнь. Возможно, еще и потому, что он, словно открыв новую главу их отношений с отцом, тут же ее и завершил. Не прошло и месяца, как Яна Андреевича заколол какой-то неизвестный офицер после ссоры в ресторане...

В кабинете урядника отчаянно пахло табаком и крепким перестоявшим чаем, что говорило о том, что Петр Осипович пребывает в крайне плохом настроении. Курил Кутилин редко, а на службе – лишь тогда, когда не мог себе позволить той маленькой слабости, которая была прощательна безутешной вдове.

Поначалу Феликсу Яновичу почудилось, что сейчас инспектор досадливо сморщится и укажет им на дверь. Затягивать расследование было совершенно не в его интересах, особенно при столь напрашивающемся выводе. Однако же Кутилин вздохнул и переспросил.

– Значит, не знаете – от кого было письмо?

– Нет, – поджала губы Варвара Власовна.

– Но это легко выяснить, – торопливо заметил Феликс Янович. – По моим записям. Мы сделаем запрос по адресу. Если вы, конечно, дадите свое добро на дополнительное расследование.

– Уже не могу не дать, – проворчал Кутилин. – Тут еще и свидетель объявился, будь он неладен.

Варвара Власовна громко охнула и прикрыла рот рукой.

Как выяснилось, дворник Захар накануне смерти Гривова поздним вечером как раз проходил мимо купеческого дома. Окно кабинета Петра Васильевича, где утром его нашли в петле, было приоткрыто, несмотря на прохладный вечер. Купец, как известно, любил свежий воздух. Дворник отчетливо слышал, как Гривов яростно ссорился с кем-то и, похоже, обменивался угрозами. Второй голос звучал приглушенно, потому Захар не разобрал – мужской или женский. Однако же он отчетливо слышал, как Гривов взревел: «Ты мне угрожаешь?!» А чуть позже долетела и еще одна фраза «Смерти моей хочешь?! Не надейся!»

Прослышав про смерть Гривова, Захар некоторое время мучился сомнениями. Наконец, укрепив дух исповедью и многократным крестным знаменiem, сутки спустя он таки оказался в участке. Где и рассказал на духу все, что знал. В свете этих показаний, а также слов вдовы про письмо и благостное настроение ее супруга, Кутилин не мог оставить дело на прежней точке. И, хотя Феликс Янович не готов был признаться в этом, его такой оборот дел лишь порадовал. Потому что иначе пришлось бы докапываться до сути тайком от старого приятеля, что было противно натуре начальника почты.

Как и предполагал Колбовский, найти отправителя пропавшего письма труда не составило. Все записи о полученной почте велись с неукоснительной аккуратностью. Отправив телеграмму, он уже через несколько часов узнал, что писал Кутилину не кто иной, как поверенный нотариус его пожилой сестры, проживающей в Саратове. Той самой далекой тетюшки, с которой Ульяна Гривова – единственная из всего семейства – состояла в переписке. Оказалось, что госпожа Астафьева бывшая в девичестве Гривовой, на днях скончалась при трагичных обстоятельствах. Ночью к ней в дом пробрались грабители. Взять толком ничего не успели, но напугали старушку до смерти. У госпожи Астафьевой было слабое сердце, а в этом возрасте подобные потрясения бесследно не проходят. Завещания найдено не было, а потому Петр Васильевич как единственный живой родственник оказывался наследником всего состояния покойной сестры.

– Неудивительно, что он так обрадовался, – хмыкнул Кутилин, когда тем же вечером они с Феликсом Яновичем обсуждали положение дел.

Состояние госпожи Астафьевой оказалось весьма и весьма существенным. Хотя Гривов и сам не был бедным человеком, но за счет полученного наследства он превращался в одного из самых богатых людей Коломны.

Феликс Янович и Петр Осипович сидели дома у полицейского урядника. Они только что отужинали, и теперь пили чай с яблочным вареньем. Впрочем, если говорить начистоту, то Феликс Янович налегал больше на варенье, а Петр Осипович на чай, тайком от супруги сдобривая его самогоном.

Супруга Кутилина Марфа Андреевна всегда была рада обществу начальника почты, потому что при нем урядник пил только чай или компот из сушеных яблок. Она хлопотала вокруг них, расспрашивая Феликса Яновича о делах и сокрушаясь его очевидной для женщин неприкаянности. Госпожа Кутилина уже не первый год лелеяла мечту подобрать Феликсу Яновичу подходящую невесту, и, несмотря на все неудачи, не оставляла попыток.

– И все же это была не просто радость, – задумчиво сказал Феликс Янович. – Это было еще и облегчение – словно он избавился от какой-то ноши или гнета.

– Скажете тоже! От гнета! Любите вы поэзию, Феликс Янович, – благодушно пробасил Кутилин.

– Люблю, – как обычно в этих случаях, согласился Колбовский. – Но дела это не меняет.

– Главное, что теперь у нас есть очевидный мотив, – размышлял вслух старший инспектор. – Отхватить такой кусок – это не шутка! Это прямо мечта!

– Полная финансовая независимость, – поддакнул Колбовский.

Наследники Гривова теперь оказывались не просто хорошо обеспечены, а обеспечены до конца своей жизни – если, конечно, им хватит благоразумия не пускаться в авантюрные предприятия и прочее мотовство.

Наследников по завещанию было трое. В первую очередь, конечно, сама Варвара Власовна, которой отходила половина капиталов мужа. Состояние, которое она получала в результате этих двух смертей – тетушки и мужа – сразу делало из безутешной вдовы завидную невесту. Учитывая, что Варвара Власовна выглядела куда моложе своих лет, была крепка здоровьем и обладала весьма решительным характером, не было сомнений, что она не будет долго страдать в одиночестве. Хорошую долю получал и сын Гривова, Федор, который сейчас был в отъезде. Меньше всех досталось дочери Гривова Ульяне, но и ее статус невесты с полученным наследством сразу взлетал на высоту колокольни.

– Может, хоть теперь мужа найдет, бедняжка, – вздохнул Кутилин, прихлебывая чай.

– Если захочет, – деликатно добавил Феликс Янович.

– Чего бы ей не захотеть-то?! – удивился урядник.

– А вы разве не помните той истории? С приказчиком Гривова? – удивился начальник почты.

История, про которую поминал Феликс Янович, случилась пару лет назад и на шумела не меньше, чем новость об ограблении аптеки, случившаяся за год до того. Приказчик купца Павел Щеглов сделал предложение Ульяне, и она благосклонно приняла его. Однако Гривов пришел в ярость, заявил, что не отдаст дочь за своего же служащего. И не просто уволил Щеглова, а, пользуясь своим влиянием в купеческой среде, добился, чтобы того нигде в Коломне больше не брали на службу. Помыкавшись, Щеглов уехал в Москву, где и осел. А Ульяна окончательно превратилась в затворницу.

– Ну, то дело давнее, – Кутилин, не отличавшийся душевной тонкостью, махнул рукой. – Даже если она питала какую-то душевную склонность к этому Щеглову, то вряд ли из-за этого захочет в девках весь век сидеть.

Колбовский не ответил. Ему хотелось объяснить Кутилину, что есть люди, чья душевная тонкость такова, что единожды нанесенная рана болит всю жизнь, и что он знает об этом не понаслышке. Но Феликс Янович так и не сказал этого вслух. Знал, что добродушный, но совершенно чуждый романтических порывов Петр Осипович не поймет его. Кроме того, Колбовский неожиданно вспомнил еще одну вещь. Примерно с месяц назад Ульяна Гривова получила письмо из Москвы от неизвестного адресата.

Слухи о том, что Петра Васильевича Гривова убили и у полиции есть к тому верные доказательства, ожидаемо разлетелись по городу со скоростью и шумом нахальных голубей. Возвращаясь вечером того же дня домой, Феликс Янович надеялся, что Авдотья уже ушла и не станет донимать его ни расспросами, ни рассказами. Однако эта надежда не была столь уж решительной и, конечно же, не оправдалась. Авдотья штопала чулки при свете керосинки, сидя на кухне и весело напевая себе под нос. Встретив Феликса Яновича, она тут же высыпала на него весь ворох дневных новостей, где правдивая информация мешалась со сплетнями, как горох с чечевицей – разобрать без лупы не всегда было возможно. Авдотья почему-то была

свято убеждена, что ему, как начальнику почты, необходимо знать как можно больше о том, что происходит в городе. Со временем Феликс Янович смирился с ее привычкой и научился слушать вполуха.

Весь город жужжал, дважды за день взбудораженный шокирующими новостями. Сначала пришла весть о самоубийстве Гривова, во что никому не верилось – купец всю жизнь был человеком, который сам может любого свести в могилу. Последовавший вслед за тем слух об убийстве вызывал уже больше доверия. И, конечно, на рынке помимо картошки с капустой нынче в ходу были и версии того, кто убийца.

Авдотья была убеждена, что убил Гривова собственный сын, но все ее доказательства сводились к тому, что она это «чует сердцем».

Ночью Феликс Янович спал беспокойно – его все время мучило ощущение того, что он что-то не заметил или забыл. Во сне это чувство принимало форму кошмара – ему снилось, что порыв ветра вырывает из его рук письмо, которое он должен срочно доставить важному адресату. Почтмейстер бежал за письмом, которое весело крутилось волчком у самой земли, и проклинал себя за неосторожность. Зачем он только вообще достал его из сумки посреди городской площади? Здесь же всегда гуляет ветер – беспардонный нахал, срывающий шляпы даже с благородных дам, решивших пройтись пешком. Письмо летело совсем рядом, но никак не давалось в руки, а меж тем Феликс Янович начинал задыхаться от усталости. Совсем перед рассветом ему мерещился голос Машеньки, которая в чем-то ласково его укоряла, и он понимал, что потерянное письмо связано с ее судьбой, ее жизнью...

Проснулся Колбовский почти на час раньше обычного времени. Возблагодарив Бога за то, что Авдотья еще не пришла, он вышел на кухню и умылся холодной водой, обжигающей и отрезвляющей. Быстро одевшись в мундир и избежав завтрака, Феликс Янович отправился на службу.

Утро выдалось почти студеным – октябрь впервые напомнил о грядущей зиме. Лужи после ночного дождя теперь подернулись хрупкой ледовой корочкой. Земля сладко похрустывала под ногами, а дыхание слабого ветра слегка обжигало щеки. Стыдливый рассвет еще только занимался, и город тонул в сиреневом полумраке, скрывающем детали и подчеркивающим формы. Феликс Янович шел быстрым решительным шагом. Кивнув на ходу дворнику и фонарику, он пришел в контору ровно без четверти семь утра, на полчаса опередив свою вечную соперницу Аполлинарию Григорьевну. Когда телеграфистка пришла, он уже сортировал почту, пришедшую накануне.

День тянулся бесконечно долго: Феликсу Яновичу казалось, что еще никогда добровольные обязанности почтальона не были столь утомительны. Зная об его близком знакомстве с урядником, в каждом доме, куда он приходил с корреспонденцией, его пытались расспросить, кто же нынче ходит под подозрением и как далеко продвинулось следствие? Колбовскому всегда было сложно отказывать людям в разговоре. Как мог, он пытался отшутиться, однако же дамы местного общества отличались особой настойчивостью, когда речь шла о двух вещах – замужестве их дочерей и удовлетворении их любопытства.

Едва дождавшись окончания служебного времени, Феликс Янович тут же направился в здание окружного суда, где располагался кабинет урядника.

Кутилин пребывал в еще худшем расположении духа, чем накануне. Раздражение сменилось тоской, что было плохим признаком. Безнадежно взглянув на приятеля, возникшего на пороге кабинета, Кутилин сделал короткий приглашающий жест рукой и отошел к окну. Колбовский вошел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

– Алиби! У всех есть чертово алиби! – буркнул Кутилин. – Не подкопаешься!

Как выяснилось, вечер убийства Варвара Власовна провела на собрании благотворительного общества, откуда вернулась уже за полночь. Слова вдовы подтвердила хозяйка вечера, госпожа Крыжановская. Сын Гривова Федор уже две недели как находился в отъезде и прибыл

в город только сегодня, к похоронам. А дочь Ульяна была на вечерне в церкви Успения Богородицы. Горничная Глаша ушла в восемь, а потому к Гривову, который сидел один дома, мог пожаловать кто угодно. В том числе и сообщник любого из наследников, поскольку ни хрупкая Ульяна, ни крепкая Варвара Власована в одиночку при всем рвении не могли бы вдеть Петра Васильевича в петлю. Купец был крупным, тяжеловесным мужчиной с сильными медвежьими руками.

– Вы не переживайте, Петр Осипович, – сочувственно сказал Колбовский, выслушав все жалобы приятеля. – Оно образуется. У меня есть тут небольшая идея...

Кутилин с надеждой посмотрел на него. Урядник знал о тайной слабости Феликса Ивановича, об его незаметной для окружающих тоске и мучительной жажде справедливости, которая и толкала его с головой в подобные дела.

Десять лет назад он был тем самым урядником, который в какой-то момент поверил безумным рассказам тщедушного почтового служащего о трагедии, случившейся с купцом Ружниковым и его дочерью Марией. Именно Кутилин, не отличавшийся особой наблюдательностью сам, но дотошный и чующий ложь, настоял тогда на расследовании. Об окончании того дела в московской полиции вспоминать не любили, как не любят вспоминать о пожарах и эпидемиях, регулярно случающихся в бедных скученных кварталах. Есть вещи, которые благополучный обыватель хоть и замечает, но столь же быстро вытесняет за околицу памяти, ибо тогда вкус утки с черносливом, поданной на обед, будет уже не такой сладкий, а вечер в уютном семейном кругу перестанет создавать чувство безопасности. И Кутилин тоже не любил думать о деле Ружникова, потому что столь неприятных историй в его жизни, несмотря на многолетнюю службу, было немного. Но с тех пор он проникся уважением и доверием к способностям почтальона. Говорить об этом меж ними было не принято, но по молчаливому уговору Феликс Янович регулярно заезжал в гости к Петру Осиповичу и слушал его рассказы о служебных делах. На одной из таких первых встреч Колбовский с его врожденной деликатностью осведомился, не нарушает ли господин Кутилин служебную тайну, посвящая его в подробности расследований? На что Кутилин с грубоватой прямоотой ответил, что нарушение служебной тайны ради пользы дела грехом не считается. «Начальство не узнает, а Господь поймет!» – сказал Кутилин, перекрестившись в сторону церковных куполов, видневшихся в окно его гостиной.

На отпевании Петра Васильевича Гривова в храме Успения Пресвятой Богородицы народу собралось немного. Феликс Янович, войдя, осенил себя крестным знаменем и встал в стороне от гроба, чтобы рассмотреть всех собравшихся.

Храм был небольшой, но с богатым оправленным в золото иконостасом – даром местных купцов. Строгий ясноглазый лик Спасителя смотрел с купола с некоторой укоризной – словно видел, как мало истинной веры осталось в том, кто сейчас поднял очи к небу. Феликс Янович вздохнул – источник веры с годами в нем действительно иссяк. Точнее будет сказать – веры в божественную помощь. А вот в могущество науки и твердого разума с годами Колбовский верил все больше.

Службу вел отец Вадим – молодой, с каштановой бородой без единого седого волоса и с такими же ясными, как у Спасителя, глазами. Слушая его гулкий приятный бас, Феликс Янович рассматривал присутствующих. Варвара Власовна стояла у гроба с прямой спиной и гордо поднятой головой. Только бескровные, вытянутые в ниточку губы говорили об ее переживаниях. Колбовский отметил, что одета она была очень элегантно – траурное платье и черный кружевной чепец придавали ей скорбное очарование, которым наверняка прельстился бы какой-нибудь немолодой романтик.

Бок о бок с мачехой стоял сын Федор – рослый двадцатипятилетний детина, опора и надежда отца. Федора Колбовский знал меньше, чем кого-либо в этой семье, поскольку почти не пересекался с ним по делу. Всей деловой корреспонденцией ведал сам Петр Васильевич. В переписке Федор ни с кем не состоял и газет не читал. Может, именно поэтому он вызывал у Колбовского наибольшее подозрение. Начальник почты тут же одернул себя – не пристало составлять мнение о человеке лишь по его привычкам. Но тут же сам себе возразил – а почему же и нет? Особенно, если привычки касаются сношений с внешним миром. Вот, к примеру, Варвара Власовна – крайне пунктуальная и собранная особа, которая очень щепетильно относится к родственным связям. Хотя ни с кем из родни ее не связывали особо теплые чувства, она скрупулезно отправляла поздравительные открытки ко всем праздникам многочисленным братьям, сестрам и племянникам. Про отсутствие душевной привязанности Феликс Янович сделал вывод давно – многие из родственников Варвары Власовны жили в соседних городах, однако же никто ни разу не приезжал к ней в гости.

Федор никому не писал, ничем во внешнем мире, казалось, не интересовался и потому был для начальника почты подобно запертому ящику – той посылке, что не просто запечатана крышкой, а сверху еще и обита войлоком для сохранности. На круглом пышущем здоровьем лице молодого Гривова не читались сейчас ни мысли, ни чувства. Было похоже, что он отупел от горя, однако такое могло прийти в голову лишь тому, кто не знал Федора ранее. Несмотря на отсутствующее выражение лица, Федор отнюдь не был дурачком. Он прекрасно вел торговые дела и давно уже был правой рукой Гривова во всех его предприятиях.

Колбовский перевел взгляд на третью наследницу – Ульяну Гривову. Старая дева двадцати семи лет от роду, не слишком красивая и не слишком умная. Ульяна была истово верующей и сейчас у нее единственной глаза были устремлены не на гроб, а на иконостас. Впрочем, подумалось Колбовскому, все барышни такого возраста становятся уже либо относительно счастливыми женами, либо – богомолками. К сожалению, у женщины выбор судьбы был куда меньше, чем у мужчины. Это всегда казалось Феликсу Яновичу несправедливым. Возможно, если бы дела обстояли иначе, и Машенька имела бы больше свободы...

Гулкий бас отца Вадима умолк, и на несколько мгновений в храме воцарилась торжественная тишина. Слышно было лишь, как потрескивают свечи и как шмыгает носом Глаша. «Неужто так жалеет хозяина?» – удивился Феликс Янович, оценивающе посмотрев на горничную. Однако же у той, похоже, просто не вовремя разыгрался насморк.

Когда отпевание закончилось, небольшая процессия отправилась на кладбище. Варвара Власовна, заметив Колбовского, торопливо подошла к нему и, прикоснувшись теплой рукой в черной сетчатой перчатке, сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.